

УДК 81'1

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РЕЧЕВОЙ СИТУАЦИИ В РОССИЙСКОМ ГОРОДЕ НАЧАЛА XXI ВЕКА

Б.Я. Шарифуллин

В статье представлена в общих чертах современная речевая ситуация в российском городе «нулевых» годов нынешнего и 90-х годов прошлого века. На основе лингвоэкологического подхода рассмотрены различные параметры, характеризующие данную ситуацию: лексическая «пертурбация», экспансия заимствований, гендеризация, инвективизация, криминализация и жаргонизация речи и т.п. Анализ указанных тенденций осуществлен на фоне исторического развития взаимоотношений русского языка с другими языками. На основе проведенного исследования сделан вывод об отсутствии реальных угроз русскому языку даже в современных экстремальных условиях его существования.

Ключевые слова и ключевые слова: *современный российский город, речевая ситуация, инвективность, криминализация речи, жаргонизация.*

DESCRIPTION OF A LINGUISTIC SITUATION IN A RUSSIAN CITY AT THE BEGINNING OF THE XXIST CENTURY

B.Ya. Sharifullin

In this article the modern speech situation of A Russian town of "noughties" years and the 90th years of the last century is presented. Based on the ecolinguistic approach the various parameters characterizing this situation are considered: lexical "perturbation", genderization, expansion of loans, invectivization, criminalization and speech jargonization, etc. Analysis of these trends was done on the historical background of the development of relations between the Russian language and the other ones. On the basis of this study it was concluded that there is no real threats to the Russian language, even under modern extremal circumstances of its existence.

Keywords and phrases: *a modern Russian town, speech situation, invectiveness, speech criminalization, jargonization.*

Языковая (а точнее сказать, речевая) ситуация в современном российском городе и его речевом коммуникативном пространстве отражает и во многом определяет общее состояние русского национального языка и его речевой культуры начала XXI века.

Мы не будем повторять многие, общеизвестные уже наблюдения и выводы (несколько устаревшие сейчас), представленные, например, в коллективной монографии «Русский язык конца XX столетия» [Русский язык 1996], книге В.И. Шапошникова «Русская речь 1990-х. Современная Россия в языковом отображении» [Шапошников 1998] и в других более поздних публикациях, отражающих более современное состояние русского

национального языка в первом десятилетии XXI века (см., например, весьма интересную книгу [Кронгауз 2008]). Однако некоторые выводы, касающиеся основных тенденций развития русского языка на рубеже тысячелетий и в первом новом десятилетии, имеющие прямое отношение к описанию языка города, в частности, его речевжанрового пространства, представить необходимо.

Если говорить об общем состоянии современного русского **литературного** языка как системы, то следует признать, что мы вступаем, очевидно, в новый период его развития, что, в целом, всегда было характерно для истории русского национального языка на рубеже переломных столетий (вспомним значимые для судеб русского языка рубежи XV–XVI, XVIII–XIX веков, когда формировались, соответственно, язык народности и язык национальный). В сущности, язык, на котором мы сейчас говорим, уже значительно отличается от языка пушкинского периода, хотя по традиции мы именуем язык XIX–XX веков «современным русским литературным языком». Значительные изменения произошли, прежде всего, в речевой коммуникации, откуда – «по цепочке» – они проникают уже во внутреннюю систему русского языка. Я не о «словаре» говорю – это понятно, но об изменениях более существенных, проникших уже и в грамматику, и в синтаксический строй.

«Новый» современный русский язык, каким он предстал с начала 90-х годов прошлого тысячелетия прежде всего в различных СМИ, а также на «улице многоязыкой» наших российских городов [Китайгородская, Розанова 2005, 2010; Современный городской фольклор 2003], определяют иногда как «постсоветский», вкладывая в это наименование скорее негативный смысл, чем позитивный [Васильев 1995], что оправдано с позиций лингвоэкологии и культуры речевого общения (см., например, [Сковородников 1992]).

Однако с точки зрения естественного развития русского национального языка это определение значимо и терминологично: смена того, что в марксизме называли «социально-экономической формацией», неизбежно должна привести и к изменениям в системном и коммуникативном статусе русского языка. Кажется, подобная эволюция намечалась еще в конце XIX – начале XX века, когда Россия переходила на капиталистический путь развития, однако известные события 17-го года нарушили не только ожидаемую эволюцию страны, но и становление нового **естественного** этапа истории русского языка.

Разумеется, как и все переломные и переходные события и состояния, нынешние изменения в русском национальном языке не могут не сопровождаться различными пертурбациями, стихийными новациями и инновациями в их смешении и контроверзии с традициями, минимализацией одних и экспансией других речевых тенденций и явлений и

т.п. Так было и в Петровскую эпоху, и в конце XVIII в., и в начале XX столетия. В сущности, ничего принципиально нового сейчас не происходит, если не считать действительно значительного события, обозначившегося к концу тысячелетия, как бы мы к нему ни относились, – глобализации мирового общества, его культуры, экономики и т.д. Ну и, понятно, ещё одного глобального события – исчезновения СССР. Влияние всех этих процессов на изменения в современном русском языке несомненно, и не всегда оно однозначно отрицательно или, наоборот, однозначно положительно, как это обычно и бывает.

1. Смена общественно-политического и экономического строя в России отражается, прежде всего, в **«перетасовке» словаря** (или в его «переодевании» – ибо в России всегда относились к русскому языку, а точнее, к речи, как к элементу «своего» быта – такому же, как одежда, своё хозяйство, бытовая утварь и пр.). Это процесс естественный, но только в русском языке, пожалуй, он приобретал всегда чрезмерные масштабы, по принципу «чем больше, тем лучше». В лексической системе русского языка с начала XX века изменения стали происходить не эволюционно, а революционно. В основе их – убеждение в том, что «старое» (в 17-м году – «царское», сейчас – «советское»), именованное «по-новому», уже не есть «старое», а становится «новым», а значит, лучше соответствующим «новой реальности».

Этот процесс **«перманентного переименования»** (реноминации и контрноминиции) имеет прямое отношение к формированию «нового» речевжанрового пространства российского города, поскольку, например, городская ономастика активно участвует во многих жанрах и текстах городской речи.

Исследователи уже отмечали, что наше время характеризуется «сменой речевых одежд» [Китайгородская, Розанова 1994], затрагивающей различные сферы общественно-политической, экономической и культурной жизни современной России (все последующие примеры очевидны, многие из них уже были рассмотрены в работах моих коллег).

Например, в области образования появились вновь *лицеи, гимназии*, а также *колледжи*; сельскохозяйственные, медицинские и технические институты (иногда даже училища) стали *академиями*, пединституты – *университетами*, а в последнее время – и *педагогическими академиями*. Появились *бакалавры* и *магистры*. Хотя наши, лесосибирские «бакалавры», вряд ли могут претендовать на это «гордое» наименование в рамках так называемого «Болонского процесса» (см. о нём в связи с проблемами преподавания дисциплин речеведческого цикла мою главу в коллективной монографии «Учебные

дисциплины речеведческого цикла на фоне «Болонского процесса» [Шарифуллин 2011]; см. также [Шарифуллин 2013]).

В административном пространстве города в 90-е годы тоже произошли изменения: первые секретари горкомов и председатели горисполкомов стали *мэрами* или *городскими головами*, *главами администрации*, горсоветы стали *думами* или *законодательными собраниями*, горисполкомы превратились в *администрации*, *мэрии* или *управы*, а облисполкомы и крайисполкомы – даже в *министерства*, райисполкомы – в *префектуры*, отделы народного образования стали *департаментами образования* и пр. Действительно, *директор департамента образования* или даже, скажем, *министр образования Красноярского края* в прагматике языка звучит, наверно, «функциональнее», чем *завгороно*, во всяком случае, более внушительно. Хотя уровень образовательной политики в городе, области, крае от этого не изменяется к лучшему (если не к худшему).

Бытовое коммуникативное пространство города также «переодето», «перелицовано» [Китайгородская, Розанова 2010; Шарифуллин 1997, 2007б]. Покупать теперь мы ходим не в *магазины*, *универмаги* или *киоски*, а в *шопы*, *бутики*, *торговые дома*, *минимаркеты*, *супермаркеты* и даже *гипермаркеты* (в Красноярске и Лесосибирске был такой «АЛПИ», сейчас «ПАРК», еще немного, и следует ожидать «*гигамаркеты*», а возможно, и «*терамаркеты*»). Ездим мы теперь только на *маршрутных такси* (в городской песенке советских времён пелось так: «*Тёща ездит только на такси, это ж пять рублёв одна дорога*»), т.е. бывших *автобусах*, нередко списанных, но повысивших таким образом свой транспортный «имидж». А деньги храним ныне не в *сберкассе* («*зверькассе*» в «семейном языке» советского времени), а в *Сбербанке* и во множестве иных банков от «Альфа» до «Омега» – теперь любой простой горожанин – *банкир*...

2. Еще одна глобальная тенденция развития русского языка в начале нового века – резко повысившаяся **интенсивность взаимодействия** литературного языка, разговорной речи, просторечия и различных социальных вариантов (жаргонов, сленга, арг), отмеченная еще в 90-е годы [Русский язык конца XX века 1996]. Особенность этого взаимодействия, вообще-то естественного для живого русского языка и прослеживающегося еще с конца XIX века, проявляется ныне в смене языковых приоритетов и центров языкового притяжения, в возникновении новых центров речевой экспансии – низовой городской субкультуры, молодежной суб- и контркультуры, криминальной субкультуры [Современный городской фольклор 2003; Шарифуллин 2002в, 2007а].

Теперь, скорее, не литературный язык влияет на другие субстандартные разновидности речи, а они оказывают заметное воздействие на него – естественно, более отрицательное, чем положительное.

Отсюда и такие негативные тенденции, прослеживаемые в рамках, например, эколингвистического мониторинга, как **жаргонизация** и **криминализация** речевого общения и речевой культуры в целом [Шарифуллин 1997, 2005a].

Справедливости ради следует отметить, что начало этой экспансии различных жаргонов и «блатного языка» было положено еще в годы революции и гражданской войны, чему весьма споспешествовало специфическое речевое поведение профессиональных революционеров, эсеров, анархистов и большевиков, довольно активно контактировавших до революции с уголовным миром России в тюрьмах и ссылках. Об этом, например, писал еще в 30-е годы русский эмигрант-публицист П.М. Пильский в статье, причём, в сокращении, опубликованной у нас только в начале 90-х прошлого века в «Литературной газете» (к сожалению, этот номер газеты у меня не сохранился, поэтому отсылаю к первоисточнику [Пильский 1926]).

Экспансия жаргонизмов (арготизмов) в «нормальную» русскую речь объективно (исторически) объяснима. Как пишет человек, прошедший сталинские лагеря, писатель-фантаст С. Снегов, «был тяжкий период в нашей истории, когда раковая опухоль лагерей расплзлась по всему телу страны. И лагерный говор захлестывал тогда живую речь, становился общепринятым жаргоном молодежи, приобретал черты какого-то чуть ли не "неорусского" языка» [Снегов 1990: 73].

Начало XXI века особых изменений не привнесло: крылатая фраза В.В. Путина в начале срока своего первого президентства *«Бандитов будем мочить в сортирах»* еще на целый ряд лет будет определять «лингвистическую» сторону борьбы с терроризмом.

Оценки нынешней языковой ситуации в этом отношении различны – от панических (русский язык превращается, «опускается» во всеобщий блатной жаргон) до оптимистически успокаивающих (подобная «встряска» для языка даже полезна). Я не могу, например, согласиться с излишне оптимистическим выводом С. Снегова, относящимся уже к сегодняшнему дню: «Зараза лагерей преодолена. Зловещее утверждение лагерного жаргона нам не грозит. Увлеченность молодежи лагерными словечками резко ослабла и все больше слабеет. Лишь немногие слова, почерпнутые из лагерей, прочно утвердились в языке, остальные вымылись и продолжают вымываться» [Снегов 1990: 74].

Развитие речевой ситуации с конца 90-х прошлого века показывает, что всё не так

просто и однозначно – усиливающаяся в «лихие 90-е» криминализация общества и – *horribile dictu* – даже культуры дает новый стимул для криминализации и жаргонизации языка как средства общения в современной российской действительности. Просмотр даже того небольшого списка «блатных слов», приведенных в указанной статье С. Снегова, из которых, как, видимо, полагает автор, «лишь немногие слова прочно утвердились в языке», показывает, что целый ряд таких слов получили незаслуженно широкое употребление в современной речи: *бабки, баланда, бан, барыга, бикса, блядь буду!, блатной, ботало, бугор, бухать, бухой* и пр. (и это только на букву Б!).

Конечно, «криминальный элемент», как и террористов можно (и, может быть, нужно) «мочить в сортирах» (яркий пример жаргонизации речи общественного политика), но «криминальные элементы» языка и «языковой террор» так просто не исчезнут, как и языковая (точнее, речевая) агрессия. К сожалению, некоторые современные СМИ, в том числе, интернетовские, пропагандируют некий «пиетет» перед криминальной субкультурой, «блатной и лагерной романтикой». Это, например, так называемый «русский шансон», присвоивший себе наименование традиционной французской песни (вообще-то, здесь смешение разных песенных жанров – и городской романс, и бардовская песня и пр., но я имею в виду именно «блатную песню»). В российской музыкальной индустрии наименование «русский шансон» было введено как эвфемизм в 1990-х годах. Только один пример из песни наиболее известного исполнителя «русского шансона» Михаила Круга:

*Кольцик, накопи мне купола,
Рядом чудотворный крест с иконами,
Чтоб играли там колокола
С переливами и перезвонами.
Наколи мне домик у ручья.
Пусть течёт по воле струйкой тонкою,
Чтобы от него портной судья
Не отгородил меня решеткою.
Нарисуй алеющий закат,
Розу за колючей ржавой проволокой.
Строчку – мама я не виноват
Напиши, и пусть стереть попробуют...*

Комментарии излишни: профанация и православной религии (наколотые купола храма означают количество «сидок»), и любви к матери: всей этой «слезливой показухой»

вообще отличались уголовники ещё с конца XIX века [Мильтяненков 1992].

3. Речевая ситуация в российских городах усложняется также такой очевидной для постсоветского времени чертой – **резко обозначенной социально-возрастной неоднородностью общества**, что проявляется, в частности, в растущем расхождении между языковыми (речевыми) приоритетами старшего поколения и все более «американизирующимся» молодежным сленгом, особенно в его «компьютерно-интернетовских» вариациях. К слову сказать, автор данной статьи, носитель молодежного «хипповского» сленга 70-х гг., не сразу понял некоторые сленгизмы 2000-х, когда проводил семинарские занятия по теории языка по теме «Социальные разновидности русской речи». Спасает только лингвистический подход к данному явлению и «закалка», полученная во время работы в лаборатории искусственного интеллекта при ВЦ СО РАН (Новосибирск), когда еще в 80-е приходилось сталкиваться с будущими компьютерными проблемами двухтысячных.

«Виртуальные» модификации сленга, возникшие с конца 1990 – начала 2000-х годов в связи с широким распространением Интернета и в нашем коммуникативном пространстве (что позволяет говорить о принципиально новой «речевой формации» [Интернет-коммуникация 2012]) «падонкаффских», «преведовских», «олбанских» и прочих «виртуальных» субкультур, между прочим, вызвали «перезагрузку» не только самого словаря русского традиционного молодёжного сленга, включая и компьютерный, но и некоторых традиционных речевых жанров, например эпистолярного, а также многих информативных (см., например, [Кронгауз 2013]).

4. С конца XX века в речевой коммуникации стали всё более ощущаться различия в мужских и женских вариантах речи практически на всех её уровнях. Это было очевидно и в советское время, но тогда на это обратили внимание только отдельные лингвисты [Земская и др. 1993], поскольку официально считалось, что мужчины и женщины при социализме абсолютно равноправны, а значит, никаких таких различий в их речевой практике, как и в иных сферах «общественной деятельности», быть не может.

Понятно, что это совсем не так. Условно и не терминологически говоря, «гендеризация» современного речевого общения – уже очевидный факт, на что обращают внимание сейчас многие лингвисты (см., например [Гриценко 2005; Каменская 2002] и др.), хотя понятие «гендеризация» ими не используется, как не использовалось ранее и мной [Шарифуллин 2002б] (встречается оно в весьма неопределённом виде только в некоторых публикациях по педагогике (например, [Окулова 2010]), а также в политике – с ещё более

размытым смыслом).

Интересный пример «гендеризации»: так называемый «мамский язык», как его называют в русском интернете, например, на сайте http://www.superstyle.ru/21feb2012/mamskii_yazyk?page=0. В интернет-аспекте его рассматривал М.А. Кронгауз [Кронгауз 2013: 348-350] (согласен с ним, что лучше называть такой «язык» *мамочкин*), хотя этот своеобразный «гендерлект» родился не в интернете, а вошёл в него позже, уже в связи с необходимостью общения «мамочек» между собой и с их противопоставлением себя своим «папочкам», или «муженькам». Самая яркая черта такого «языка» – обилие уменьшительно-ласкательных образований. Эта особенность присуща обычно женской речи вообще, причём весьма часто без какого-либо отношения к реальной «уменьшительности». Банальный пример – присоединение уменьшительно-ласкательных именных суффиксов к глагольным формам: *гулятенки, спатеньки* и пр. Интернет-версия общения обогатила «мамочкин» лексикон новыми образованиями: *хочушечки, овуляшечки, запузачивание, запузаченые хочушечки, беременюшечки, масючечки, нямчики, пуселялечки, попердольчики* и пр. Поистине, нет простора женской «мамочкиной» креативности!

5. Еще одно явление, отмечаемое исследователями: в русском языке с конца прошлого столетия интенсифицируется действие двух противоположных тенденций – с одной стороны, **эвфемизация** речи (что проявляется, например, в таком современном коммуникативном явлении, как «гламурная речь» с её «куртуазными» речевыми жанрами), с другой – её огрубение (**дисфемизация**), хотя часто разницы между ними особой и нет. Чрезвычайно активизировались, в частности, традиционные для русского речевого взаимодействия жанры речевой инвективы, использующие многообразные средства – от экспрессивных слов и оборотов, находящихся в пределах литературного словоупотребления, до грубо-просторечной и обценной, т.е. «матерщинной», лексики (см. [Крысин 1995; Жельвис 2001; Шарифуллин 2000, 2005а]. Отсюда и следующий параметр нашей нынешней речевой коммуникации.

6. **«Инвективизация»** русского речевого общения – это не только явление «само по себе» негативное, она имеет прямой выход на речевую реальность не только в аспекте юрислингвистики (см. [Голев 1999; Капленко 2002; Осадчий 2013; Шарифуллин 2005б]), но и речезанроведения: всё большее распространение, и не только в «лихие 90-е», в городской коммуникации получают самые разнообразные жанры инвективного общения [Жельвис 1997; Иссерс 1996; Шарифуллин 2002а; 2012].

Впрочем, всё это наблюдалось и в советские времена «брежневского периода» (не

говоря о «хрущёвской якобы оттепели» и о том, что было до начала 50-х годов прошлого тысячелетия).

Просто несколько типичных речевых примеров из «сытных», как некоторые сейчас считают, 70-х годов (это не цитаты из анекдотов, а личные наблюдения с некоторыми комментариями). В явном виде инвектив вербальных в них особенно нет, но надо понимать ситуацию, безусловно, конфликтогенную и потому агрессивную:

(1) *Женщина, вас здесь не стояло! – Как это не стояло? Я же за вами занимала! Просто отошла. – Не знаю, не знаю. Какая-то там занимала, а откуда я знаю, что это вы?* (Обратите внимание на словосочетание *Какая-то там*, уже содержащее в себе пренебрежительные, а значит, и инвективные смыслы).

(2) *Кто крайний там – очередь не занимайте!* (Лексема *крайний* в «магазинных диалогах» была весьма популярна, хотя уже то время специалисты по культуре речи пытались объяснить, что это употребление неправильное, так как может быть только два края, и тот, кто стоит в начале очереди, тоже получается «крайним»; рекомендовано было использование слова *последний* – я так всегда и говорил, но тут уж возникали ответные реплики типа *У нас в стране последних нет! Все равны! Ага, равны, а крайние есть...*).

(3) (В очереди за туалетной бумагой) *Эй, лярва, ты чего это сразу десять рулонов хватаешь? Другим не хватит! Девушка, не давайте ей больше трёх рулонов! Хватит ей!* (Слово *лярва* тогда я услышал впервые, но оскорбительный смысл уловил сразу; сейчас это слово малоупотребительно).

Девушка – обычное тогда обращение к любой продавщице, пусть даже это женщина под 60 лет.

Ещё одна классическая фраза:

(4) *Давайте в одни руки только одну колбасу (сыр, обувь, халат, рубашку и т.д.)!*

Конкретный пример:

(5) *Дэвушка, вы войдите в моё положение! Мне один обувь не нужен, мне нужно три обуви!* (Реально услышал в московском ГУМе в самом начале 90-х, когда почти все дефицитные товары продавались по особым «визиткам»: голубые для москвичей, розовые – для гостей столицы, например для преподавателей из провинции, повышающих квалификацию; нам эти «визитки» под расписку выдавали в МПГУ им. В.И. Ленина, как он тогда ещё назывался).

(6) *А тех, которые без номерков (фломастером на тыльной части ладони. – Б.Ш.) – их надо из очереди исключить!*

Это ситуация уже в новосибирском Академгородке, когда после сдачи 20 кг макулатуры получаешь заветный талончик, например, на «Графа Монте-Кристо», но, чтобы реально купить эту книжку, нужно было в течение как минимум трёх недель участвовать в «переключке», сверяя свой «номер» со списком организатора. Если твой номер на ладошке смылся (в буквальном, не переносном смысле), то возникает упомянутое речевое действие.

И ещё одна классическая фраза, звучавшая тогда на всех просторах СССР:

(7) Продавщица: *Вас здесь много, а я одна!* Прагматика этого высказывания в некотором смысле уникальна, вступающая в противоречие с его семантикой. «Нас» действительно много, если мы образуем очень длинные очереди, а «она» действительно «одна» (почему-то при обслуживании очень большого числа покупателей за прилавком восседала одна только продавщица). Это прагматика. Семантически же данное высказывание инвективно, а никак не информативно.

б. Очевидна ещё одна проблема – «**обсценизация**» не только бытового, но и официального общения. Такое уникальное явление русской речи, как обценная лексика, или «мат», имеющий весьма древние языческие корни (вопреки заявлениям некоторых лингвистических патриотов о заёмном происхождении мата в результате «татаро-монгольского ига») и тесно связанный с русским менталитетом и русским кодексом речевого поведения, требует особого исследования – и подобные исследования уже появились. К собственно лингвистическим могу отнести только, например, публикации [Левин 1986; Мокиенко, Никитина 2003; Жельвис 2001; Успенский 1996] и ещё некоторых учёных. Известный «Большой словарь мата» А. Плущера-Сарно, а также многие подобные «словари», «культурологические эссе» и прочее к собственно лингвистике имеют мало отношения. Как и работы зарубежных лингвистов, для которых «русский мат» – something exotic (скажем, публикация К. Дембской «Мат в русском языке конца XX столетия», представляющая собой большей частью компиляцию русских словарей).

Разумеется, как и любое узуальное явление языка, русская obscenica имеет право как на существование (в рамках отведенной ей русскими речевыми традициями функционально-коммуникативной ниши), так и на всестороннее и глубокое исследование. Понятно, что обценная лексика играет свою роль – иногда ключевую – и в некоторых жанрах бытового речевого общения (скажем, в развертывании гипержанрового сценария семейного скандала или просто обычной драки (ср., например, последовательное развертывание сценария драки в повести В.П. Астафьева «Печальный детектив», разобранные нами [Шарифуллин 2005])), и

даже в более сложных РЖ – например, в анекдоте (см., например, [Шмелёва, Шмелёв 1999; 2002]).

Однако все дело в том, что современное функционирование традиционно узуальной обценной лексики начинает приобретать тотальный, экспансионистский характер, чуть ли не нормативный, претендуя на те сферы общественной коммуникации, которые до сих пор обслуживал более или менее литературный русский язык: вспомним «казус» (по-латински – «дело») Ф. Киркорова и последующие реакции, совсем не однозначные в разных российских социумах, в том числе и в лингвистическом. Тем не менее, категорическое неприятие такой ситуации начинает проявляться не только в среде общественной элиты России, но, к счастью, и у представителей нового поколения («поколения пепси», «поколения X» или «поколения П» – неважно). Пример: в контрольной работе по теории языка, отвечая на вопрос «Какую методику устранения из речи школьников жаргонизмов, обценизмов и т.п. Вы бы предложили?», одна студентка, трезво оценивая ситуацию и одновременно обладая чувством юмора, предложила: «Придать русскому мату статус государственного языка №2» (ссылаясь на широкое распространение мата в коридорах государственной власти, как исполнительной, так и законодательной).

7. Влияние нового времени на язык города проявляется и в том, что интеграция России в мировое сообщество и процесс глобализации мировой культуры и экономики стали причиной вхождения в русскую речь, начиная с 90-х годов, многочисленных англицизмов (в абсолютном большинстве случаев из американского варианта английского языка). Особенно большой «импорт» этих иноязычных слов наблюдается, конечно, в области высоких технологий, прежде всего, компьютерных, в сфере товаров и услуг, в рекламе и шоу-бизнесе, в СМИ, откуда они проникают и в повседневную речь.

Перед нами возникает традиционная с испокон веков для русского языка и культуры русской речи **проблема экспансии иноязычной лексики** и «борьбы за чистоту языка», на которой стоит остановиться подробнее, поскольку в современной речевой коммуникации на базе «американской лексической экспансии» возникли такие формы общения и, соответственно, речевые жанры (а иногда и «гипержанры»), как «чат», SMS-коммуникация и т.п., даже такое явление, как «преведовский язык», что связано уже с речевой игрой (см. выше).

Действительный «обвал» иностранных, в абсолютном большинстве американского происхождения, слов и выражений различного типа, обрушившийся в русское речевое пространство (вне зависимости от того, необходимы они или нет), вызвал естественную

реакцию, не обязательно негативную, и породил в обществе в целом два противоположных представления, приобретающих, по сути дела, характер лингвистических мифов:

(1) Миф о «тотальной американизации». Первозданной чистоте русского языка грозит серьезная опасность, куда более грозная и масштабная, чем в петровские времена или в 17-м году: нашествие иноязычной стихии, параллельное экспансии западного рынка, культуры и т.п. Иначе говоря – тотальная американизация русского языка, которая проводится сознательно, целенаправленно, во всех сферах его употребления и средах использования, направляется из некоего мирового центра разрушения России, русского народа, его культуры и языка.

Отсюда следует очень даже неутешительный прогноз на XXI век, а также предлагается (явно или неявно) «языковая политика», которая, в отличие от реальной, направлена лишь на общие рассуждения по поводу того, «кто виноват» и «как с ним бороться»: если всё будет так продолжаться, то русский язык превратится в американский диалект так же, как Россия превращается в колонию США, их сырьевой придаток. Нынешняя (реальная или виртуальная) американизация русского языка приведет якобы не только к вымыванию исконно русских пластов словаря (как в сленге, где *девушка* – *герла* или *чикса*, *родители* – *пренты*, *ботинки* – *шузы*, *пить* – *дриньчать*, *заниматься любовью* – *факать* и т.п.), но и к перестройке его фонетики и грамматики. И тогда – это уже язык креолизированного типа с остатками русских элементов как субстрата (наподобие речи русских эмигрантов на Брайтон-Бич).

Острые борьбы и главная цель у сторонников этого лингвистического мифа: остановить и прекратить глобальный процесс «американизации» русского языка, вернуть ему первозданную чистоту и «девственность». Самое лучшее для этого средство – отгораживание (и огораживание) русского языка и его культуры от вредных «иноземных» влияний, проведение политики его и её изолированного развития.

2. Миф о русско-американской интерференции. Поскольку русский язык образовался путем смешения разных систем, и в формировании и развитии его на протяжении тысячелетия приняли участие самые разные языки, то очередное «обыноязычивание» ему ничем разрушительным не грозит: это вполне естественный для русского языка процесс, в результате которого просто возникнет очередная хронологическая форма языка, не обязательно похожая на своих «родителей».

Иначе говоря, «американским диалектом» русский язык не станет, хотя и появится (образуется) иная форма языка, более удобная, практичная, приспособленная к реалиям XXI

века. Влияние американского варианта английского языка будет «облагораживающим», очищающим «одеревеневший, закосневший» русский язык любой природы – будь то «совковый» новояз или «демократический постновояз». Поэтому и задача – не мешать данному «естественному» процессу русско-американской языковой интерференции.

Интересно, что прогнозируемый русский язык XXI века в итоге видится и в первом, и во втором случае практически одинаково: крайности, как всегда, сходятся.

Что можно сказать по этому поводу? Как относиться к очевидной экспансии иноязычных элементов в языковое пространство русского языка?

Процесс заимствования иноязычных слов – процесс естественный. Главное при этом, если помнить пушкинский принцип соразмерности и сообразности, – соблюдать соответствующий потребностям языковой коммуникации и закономерностям развития языка уровень употребления иностранных слов. Иначе говоря, эти принципы соразмерности и сообразности, конечно, определенные или переопределенные применительно к новым нашим реалиям, должны стать критериями допуска или отторжения иноязычных лексем, своеобразной «таможней», где языковой вкус и чувство языковой «деловитости» сыграют роль «санпропусника» для «толпы» слов-иностранцев.

Различного рода «иноязычные негативы» в языке СМИ, рекламы, бизнеса, в сфере художественного и технического перевода и т.п. необходимо, конечно, отмечать, давать им лингвистическую (лингвоэкологическую) интерпретацию и оценку. Главная опасность – не столько в виртуальной «американизации» русского языка, сколько в незнании и неумении пользоваться иноязычным словом (и вообще иностранными языками) в необходимых ситуациях общения, письменного или устного.

При активном использовании сейчас иноязычных слов плохо не то, что их очень много, а то, что их употребляют безграмотно, неадекватно, несообразно ситуации и участникам общения. Опасны не сами «американские» слова, опасен семантический (семиотический, прагматический) хаос, свалка неразличимых смыслов и не воспринимаемых форм этих слов. Общее снижение культуры языка и речевого общения приводит к тому, что при употреблении иноязычных слов их внутренняя форма не осознается, не понимается.

Приведем только один пример из «Красноярской газеты» «патриотического» толка (1993): *«Наши дочери выходят на панели, наши сыновья осваивают невиданные до этого профессии – рэкетир, брокер, дилер, ротвейлер...»*. Думаю, комментарии здесь излишни.

В такой ситуации иностранные слова становятся чистыми оценками, т.е. воспринимаются уже на прагматическом, а не на семантическом уровне. Когда их много –

они перестают осознаваться как «чужие» элементы, то же самое – и при низкой культуре своего и незнании чужих языков. Ср. интересное наблюдение Л.В. Щербы: «Не касаюсь здесь сложного вопроса о том, что такое иностранные слова: ведь для человека, абсолютно не знающего иностранных языков, нет и иностранных слов в прямом смысле этого термина» [Щерба 1958: 154].

Приведу в заключение такой пример: слово *презентация*. Имеется в виду не «компьютерное» значение, а появившееся ранее, ещё в начале 90-х годов, значение ‘общественное представление чего-либо нового, недавно появившегося, созданного’. Конечно, это американизм, но быстро вошедший в русский словарь и уже с середины 1990-х годов ставший «модным словечком». И вот тут начинаются нежелательные «сдвиги» в употреблении этого слова, расширяющего своё прямое значение. Вспоминаю свой разговор с енисейским писателем Алексеем Бондаренко во время Астафьевских Чтений в Красноярске в мае 2005 года. В программе Чтений был такой пункт: «Презентация присвоения имени В.П. Астафьева Красноярскому государственному педагогическому университету». Мы с А. Бондаренко немало по этому поводу иронизировали: слово *презентация* стало универсальным обозначением любого события, после которого следует банкет. Например, родился ребёнок в семье, и счастливый отец говорит: *устроим презентацию нашего ребёнка!* Купили новый холодильник, муж говорит жене: *давай устроим презентацию холодильника!* Получили студенты стипендию – и устроили презентацию данного важного события. Я, конечно, утрирую, но вот сообщение в новостной ленте нашей городской газеты «Заря Енисея» (кажется, 2009 г.): *Завершён ремонт средней школы в п. Высокогорский. Первого сентября состоится презентация школы.*

Общий вывод, который можно сделать, – ситуация с русским языком в начале XXI века, при всей ее сложности и неоднозначности, не представляется настолько серьезной, что может реально угрожать самому существованию русского национального языка. Его история доказывает, что даже в самых экстремальных условиях русский язык всегда выживал и выходил из сложной ситуации не только с минимальными потерями для себя, но и с определенными приобретениями.

Список литературы

Васильев А.Д. «Постновояз» – лингвокультурологический феномен переходного периода // Теоретические и прикладные аспекты стилистики и культуры речи: Материалы конференции. Екатеринбург, 1995. С. 14–15.

Голев Н.Д. Юридический аспект языка в лингвистическом освещении // Юрислингвистика-1. Проблемы и перспективы. Барнаул, 1999. С. 11–58.

- Гриценко Е.С. Язык. Гендер. Дискурс. Н. Новгород, 2005. 267 с.
- Жельвис В.И. Инвектива в парадигме средств фатического общения // Жанры речи. Саратов, 1997. С. 137–143.
- Жельвис В.И. Поле брани. Сквернословие как социальная проблема. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Научно-издательский центр «Ладомир», 2001. 352 с.
- Земская Е.А., Китайгородская М.А., Розанова Н.Н. Особенности мужской и женской речи // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. М., 1993. С. 91–101.
- Интернет-коммуникация как новая речевая формация: коллективная монография / науч. ред. Т.Н. Колокольцева, О.В. Лутовинова. М.: Флинта; Наука, 2012. 328 с.
- Иссерс О.С. Свобода слова: две стороны медали (оскорбление в зеркале юриспруденции и лингвистики) // Юрислингвистика-1: проблемы и перспективы / под ред. Н.Г. Голева. Барнаул, 1996. С. 106–122.
- Каменская О.Л. Гендергетика — наука будущего // Гендер как интрига познания. М.: Рудомино, 2002. С. 13–19.
- Капленко В.Н. Инвективность открытая и скрытая // Юрислингвистика-3. Барнаул, 2002. С. 112–123.
- Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Речевые одежды Москвы // Русская речь. 1994. № 2. С. 45–54.
- Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Речь москвичей: Коммуникативно-культурологический аспект. М.: Научный мир, 2005. 493 с.
- Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Языковое существование современного горожанина: на материале языка Москвы. М.: Языки славянских культур, 2010. 496 с.
- Кронгауз М.А. Русский язык на грани нервного срыва. М.: Языки славянских культур, 2008. 701 с.
- Кронгауз М. А. Самоучитель олбанского. М.: АСТ-CAMPUS, 2013. 416 с.
- Крысин Л.Л. Эвфемизмы в современной русской речи // Русский язык конца XX столетия (1985-1995). М., 1995. С. 136–143.
- Левин Ю.И. Об обценных выражениях русского языка // Russian Linguistics. 1986. № 10. С. 61–72.
- Миляненок Л.А. По ту сторону закона: Энциклопедия преступного мира. Л.: Редакция журнала «Дамы и господа», 1992. 118 с.
- Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Словарь русской брани (матизмы, обценизмы, эвфемизмы). СПб., 2003. 448 с.
- Окулова Л.П. Гендер в системе отечественного образования // Электронный научно-образовательный журнал ВГПУ «Грани познания». 2010. № 2 (7). Июнь. URL: www.grani.vspu.ru (дата обращения: 01.09.2013).
- Пильский П.М. Засорение русского языка // Сегодня. 1926. № 162. URL: <http://www.poezia.ru/EditorColumn.php?sid=367> (дата обращения: 29:08.2013).
- Русский язык конца XX столетия (1985-1995). М., 1996. 473 с.
- Сковородников А.П.. Об экологии русского языка // Филологические науки. 1992. № 5–6. С. 104–111.
- Снегов С. Философия блатного языка // Даугава. Рига, 1990. №11. С. 72–77.
- Современный городской фольклор. М.: Российск. гос. гуманитарный ун-т. 2003. 736 с.
- Успенский Б.А. Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии // Анти-мир русской культуры. М.: Ладомир, 1996. С. 9–107.
- Шапошников В.И. Русская речь 1990-х. Современная Россия в языковом отображении. М., 1998. 209 с.

Шарифуллин Б.Я. Инвектива: феномен языка (термин или псевдотермин) // Современная филология: актуальные проблемы, теория и практика: Сб. материалов Международной научной конференции. Красноярск: КГУ, 2005а. С. 95–100.

Шарифуллин Б.Я. Инвективность и лакуарность: феномены современной речевой коммуникации // Nauka: teoria i praktyka. Materiały VIII Międzynarodowej naukowo-praktycznej konferencji. 07-15 sierpnia 2012 roku. Vol.6. Pedagogiczne nauki. Filologiczne nauki. Przemysł: Nauka i studia, 2012. S. 81–85.

Шарифуллин Б.Я. Коммуникативные стратегии и тактики инвективы: семейный скандал // Языковая ситуация в России начала XXI века: Материалы Международной научной конференции (КемГУ). Кемерово, 2002а. Т.2. С. 266–276.

Шарифуллин Б.Я. Мужские и женские жанры речевого общения // Филологический ежегодник. Вып. 4. Омск: ОмГУ, 2002б. С. 161–169.

Шарифуллин Б.Я. Обценная лексика: терминологические заметки // Речевое общение: Вестник Российской риторической ассоциации. Вып. 1(9). Красноярск, 2000. С. 108–111.

Шарифуллин Б.Я. Речевая инвектива на randevу лингвистики и юриспруденции: pro et contra // Юрислингвистика-6: Инвективное и манипулятивное функционирование языка. Барнаул: АГУ, 2005б. С. 112–120.

Шарифуллин Б.Я. Речевой портрет астафьевских персонажей // Первые Астафьевские чтения в г. Красноярске: Материалы Всероссийской научной конференции (28–29 апреля 2004 г., г. Красноярск). Вып.1. Красноярск, 2005в. С. 368–375.

Шарифуллин Б.Я. Тексты в пространстве городской речевой субкультуры: вербально-иконическая и невербальная парадигма // Язык и культура в России: состояние и эволюционные процессы: Материалы Международной научной конференции (24–27 октября 2007 г., Самара). Самара, 2007а. С. 7–13.

Шарифуллин Б.Я. Учебные дисциплины речеведческого цикла на фоне «Болонского процесса» // Профессиональное образование: теория и практика: колл. монография / Л.И. Автушко. Т.Ю. Артюхова. и др. Новосибирск: НГТУ, 2011. Гл. 22. С. 205–212.

Шарифуллин Б.Я. Учебные дисциплины вузовского речеведческого цикла на фоне Болонского процесса // Alma mater. Вестник высшей школы: ежемесячный научный журнал. М., 2013. №8. С. 87–91.

Шарифуллин Б.Я. Формирование языкового пространства г. Лесосибирска // Русский язык: Теория. История. Риторика. Методика: Материалы X Филологических чтений имени проф. Р.Т. Гриб. Вып. 5. Красноярск, 2005. С. 87–90.

Шарифуллин Б.Я. Формы речевой субкультуры в городском ойколекте (на материале речи г. Лесосибирска) // Русский язык в Красноярском крае: сборник статей. Вып. 1. Красноярск: КГПУ, 2002в. С. 116–123.

Шарифуллин Б.Я. Язык современного сибирского города // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения: Науч.-метод. бюллетень. Вып. 5. Красноярск, 1997. С. 5–27.

Шарифуллин Б.Я. Языковое пространство, языковой быт и коммуникативная среда города // Язык города: Материалы Международной научно-практической конференции (8–9 ноября 2007 г. г. Бийск). Бийск: БГПУ им. В.М. Шукшина, 2007б. С. 45–51.

Шмелёва Е.Я., Шмелёв А.Д. Рассказывание анекдота как жанр современной русской речи: проблемы варьирования // Жанры речи. 2. Саратов, 1999. С. 133–145.

Шмелёва Е.А., Шмелёв А.Д. Русский анекдот. Текст и речевой жанр. М., 2002. 144 с.

Щерба Л.В. Избранные работы по языкознанию и фонетике. Т.1. Л., 1958. 182 с.

References

Vasil'ev A.D. "Postnovoyaz" - Linguocultural phenomenon of transitional period [«Postnovoyaz» – lingvokul'turologicheskij fenomen perekhodnogo perioda]. *Theoretical and applied aspects of style and culture of speech [Teoreticheskie i prikladnye aspekty stilistiki i kul'tury rechi]*: materials of the conf. Ekaterinburg, 1995. P. 14–15.

Golev N.D. Legal aspect of the language in the linguistic coverage [Yuridicheskij aspekt yazyka v lingvisticheskom osveshchenii]. *Yurilingvistika-1. Problemy i perspektivy*. Barnaul, 1999. P. 11–58.

Gritsenko E.S. Language. Gender. Discourse [Yazyk. Gender. Diskurs]. N. Novgorod: Izd-vo NNGU im. N.I. Lobachevskogo, 2005. 267 p.

Zhel'vis V.I. Invective in the paradigm means of phatic communication [Invektiva v paradigme sredstv faticheskogo obshcheniya]. *Zhanry rechi*. Saratov, 1997. P. 137–143.

Zhel'vis V.I. The field of abuse. Foul language as a social problem [Pole brani. Skvernoslovie kak sotsial'naya problema]. 2-nd ed. M.: scientific publishing center «Ladomir», 2001. 352 p.

Zemskaya E.A., Kitajgorodskaya M.A., Rozanova N.N. [Osobennosti muzhskoj i zhenskoj rechi]. The Russian language in its functioning. Communicative-pragmatic aspect [Russkij yazyk v ego funkcionirovanii. Kommunikativno-pragmaticheskij aspekt]. M., 1993. P. 91–101.

Internet communication as a new voice formation [Russkij yazyk v ego funkcionirovanii. Kommunikativno-pragmaticheskij aspekt]. M., 1993. P. 91–101.

[Internet-kommunikatsiya kak novaya rechevaya formatsiya]: collective monograph / T.N. Kolokol'tseva, O.V. Lutovinova (eds.). M.: Flinta; Nauka, 2012. 328 p.

Issers O.S. Freedom of speech: two sides of the coin (an insult in the mirror law and linguistics) [Svoboda slova: dve storony medali (oskorblenie v zerkale yurisprudentsii i lingvistiki)]. *Yurilingvistika-1: problemy i perspektivy* / N.G. Golev (ed.). Barnaul, 1996. P. 106–122.

Kamenskaya O.L. Genderetics – the science of the future [Gendergetika – nauka budushchego]. *Gender kak intriga poznaniya*. M.: Rudomino, 2002. P. 13–19.

Kaplenko V.N. Invective overt and covert [Invektivnost' otkrytaya i skrytaya]. *Yurilingvistika-3*. Barnaul, 2002. P. 112–123.

Kitajgorodskaya M.V., Rozanova N.N. Speech clothes of Moscow [Rechevye odezhdyy Moskvyy]. *Russkaya rech'*. 1994. № 2. P. 45–54.

Kitajgorodskaya M.V., Rozanova N.N. The speech of muscovites: communicative and cultural aspect [Rech' moskvichej: Kommunikativno-kul'turologicheskij aspekt]. M.: Nauchnyj mir, 2005. 493 p.

Kitajgorodskaya M.V., Rozanova N.N. The language of the modern urban existence: on the material of language of Moscow [Yazykovoe sushchestvovanie sovremennogo gorozhanina: na materiale yazyka Moskvyy]. M.: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2010. 496 p.

Krongauz M.A. The Russian language on the verge of a nervous breakdown [Russkij yazyk na grani nervnogo sryva]. M.: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2008. 701 p.

Krongauz M.A. Manual of olbanskyj [Samouchitel' olbanskogo]. M.: AST-CAMPUS, 2013. 416 p.

Krysin L.L. Euphemisms in modern Russian speech [Ehvfemizmy v sovremennoj russkoj rechi]. [Russkij yazyk kontsa XX stoletiya (1985–1995)]. M., 1995. P. 136–143.

Levin Yu.I. Obscene expressions of the Russian language [Ob obstsennykh vyrazheniyakh russkogo yazyka]. *Russian Linguistics*. 1986. № 10. P. 61–72.

Mil'yanenkov L.A. On the other side of the law: The Encyclopedia of the underworld [Po tu storonu zakona: Ehntsiklopediya prestupnogo mira]. L.: Redaktsiya zhurnala «Damy i gospoda», 1992. 118 p.

Mokienko V.M., Nikitina T.G. Dictionary of Russian abuse vocabulary (obscene words, euphemisms) [Slovar' russkoj brani (matizmy, obstsenizmy, ehvfemizmy)]. SPb., 2003. 448 p.

Okulova L.P. Gender in the national education system [Gender v sisteme otechestvennogo obrazovaniya]. *Grani poznaniya*. 2010. № 2 (7). URL: www.grani.vspu.ru (access date: 01.09.2013).

Pil'skij P.M. Clogging of the Russian language [Zasorenie russkogo yazyka]. *Segodnya*. 1926. № 162. URL: <http://www.poezia.ru/EditorColumn.php?sid=367> (access date: 29.08.2013).

The Russian language at the end of twentieth century (1985-1995) [Russkij yazyk kontsa XX stoletiya (1985-1995)]. M.: Yazyki russkoj kul'tury, 1996. 473 p.

Skovorodnikov A.P. On the ecology of the Russian language [Ob ehkologii russkogo yazyka]. *Filologicheskie nauki*. 1992. № 5–6. P. 104–111.

Snegov S. Philosophy of thieves' language [Filosofiya blatnogo yazyka]. *Daugava*. 1990. №11. P. 72–77.

Modern urban folklore [Sovremennyy gorodskoj fol'klor]. M.: Rossijskij gos. gumanitarnyj un-t. 2003. 736 p.

Uspenskij B.A. Mythological aspect of Russian expressive phraseology [Mifologicheskij aspekt russkoj ehkspressivnoj frazeologii]. *Anti-mir russkoj kul'tury*. M.: Ladomir, 1996. P. 9–107.

Shaposhnikov V.I. Russian speech in 1990s. Modern Russia in language representation [Russkaya rech' 1990-kh. Sovremennaya Rossiya v yazykovom otobrazhenii]. M., 1998. 209 p.

Sharifullin B.Ya. Invective as a phenomenon of language (a term or a pseudoterm) [Invektiva: fenomen yazyka (termin ili psevdotermin)]. *Sovremennaya filologiya: aktual'nye problemy, teoriya i praktika: materials of International scientific conf.* Krasnoyarsk: KGU, 2005a. P. 95–100.

Sharifullin B.Ya. Invective and lacunarity: the phenomena of modern speech communication [Invektivnost' i lakunarnost': fenomeny sovremennoj rechevoj kommunikatsii]. *Nauka: teoriya i praktyka. Materialy VIII Miedzynarodowej naukowe-praktycznej konferencji (07–15 sierpnia 2012 roku)*. Vol. 6. Pedagogiczne nauki. Filologiczne nauki. Przemysl: Nauka i studia, 2012. P. 81–85.

Sharifullin B.Ya. Communication strategies and tactics of invective: scandal in family [Kommunikativnye strategii i taktiki invektivy: semejnyj skandal]. *Yazykovaya situatsiya v Rossii nachala XXI veka: materials of International scientific conf. (KemGU)*. Kemerovo, 2002a. T. 2. P. 266–276.

Sharifullin B.Ya. Male and female genres of speech communication [Muzhskie i zhenskie zhanry rechevogo obshcheniya]. *Filologicheskij ezhegodnik*. Vol. 4. Omsk: OmGU, 2002b. P. 161–169.

Sharifullin B.Ya. Obscene vocabulary: terminological notes [Obstsennaya leksika: terminologicheskie zametki]. *Rechevoe obshchenie: Vestnik Rossijskoj ritoricheskoy assotsiatsii*. Vol. 1(9). Krasnoyarsk, 2000. P. 108–111.

Sharifullin B.Ya. Speech invective on rendez-vous of linguistics and jurisprudence: pro et contra [Rechevaya invektiva na randevu lingvistiki i yurisprudentsii: pro et contra]. *Yurislingvistika-6: Invektivnoe i manipulyativnoe funktsionirovanie yazyka*. Barnaul: AGU, 2005b. P. 112–120.

Sharifullin B.Ya. Speech portrait of characters by Astafiev [Rechevoj portret astafevskikh personazhej]. *Pervye Astafevskie chteniya v g. Krasnoyarske: materials of the Russian scientific conf. (Krasnoyarsk, 28–29 april of 2004)*. Vol. 1. Krasnoyarsk, 2005v. P. 368–375.

Sharifullin B.Ya. Texts in the space of urban speech subculture: verbal-iconic and non-verbal paradigm [Teksty v prostranstve gorodskoj rechevoj subkul'tury: verbal'no-ikonicheskaya i neverbal'naya paradigma]. *Yazyk i kul'tura v Rossii: sostoyanie i ehvolyutsionnye protsessy:*

materials of International scientific conf. (Samara, 24–27 october of 2007). Samara, 2007a. P. 7–13.

Sharifullin B.Ya. University Disciplines of Linguistics of speech on the background of "Bologna process" [Uchebnye distsipliny rechevedcheskogo tsikla na fone «Bolonskogo protsesssa»]. *Professional'noe obrazovanie: teoriya i praktika: coll. monography / L.I. Avtushko. T.Yu. Artyukhova i dr. Novosibirsk: NGTU, 2011. P. 205–212.*

Sharifullin B.Ya. University Disciplines of Linguistics of speech on the background of "Bologna process" [Uchebnye distsipliny vuzovskogo rechevedcheskogo tsikla na fone Bolonskogo protsesssa]. *Alma mater. Vestnik vysshej shkoly: ezhemesyachnyj nauchnyj zhurnal. M., 2013. № 8. P. 87–91.*

Sharifullin B.Ya. Formation of linguistic space of Lesosibirsk town [Formirovanie yazykovogo prostranstva g. Lesosibirsk]. *Russkij yazyk: Teoriya. Istoriya. Ritorika. Metodika: materials of X Philological readings n.a. prof. R.T. Grib. Vol. 5. Krasnoyarsk, 2005. P. 87–90.*

Sharifullin B.Ya. Forms of speech subculture in the urban oykolekt (based on the speech of Lesosibirsk town) [Formy rechevoj subkul'tury v gorodskom ojkolekte (na materiale rechi g. Lesosibirsk)]. *Russkij yazyk v Krasnoyarskom krae: collection of articles. Vol. 1. Krasnoyarsk: KGPU, 2002 v. P. 116–123.*

Sharifullin B.Ya. Language of a modern Siberian city [Yazyk sovremennogo sibirskogo goroda]. *Teoreticheskie i prikladnye aspekty rechevogo obshcheniya: Nauch.-metod. byulleten'. Vol. 5. Krasnoyarsk, 1997. P. 5–27.*

Sharifullin B.Ya. Linguistic space, language mode of life and communicative environment of a city [Yazykovoe prostranstvo, yazykovoj byt i kommunikativnaya sreda goroda]. *Yazyk goroda: materials of International scientific conf. (Bijsk, 8–9 November of 2007). Bijsk: BGPU n.a. V.M. Shukshin, 2007b. P. 45–51.*

Shmeleva E.Ya., Shmelev A.D. Telling jokes as a genre of contemporary Russian speech: problems of varying [Rasskazyvanie anekdota kak zhanr sovremennoj russkoj rechi: problemy var'irovaniya]. *Zhanry rechi. 2. Saratov, 1999. P. 133–145.*

Shmeleva E.A., Shmelev A.D. Russian anecdote. Text and speech genre [Russkij anekdot. Tekst i rechevoj zhanr]. M., 2002. 144 p.

Shcherba L.V. Selected works on linguistics and phonetics [Izbrannye raboty po yazykoznaniyu i fonetike]. T.1. L.: Izd-vo LGU, 1958. 182 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Шарифуллин Борис Яхиевич, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и литературы

Лесосибирский педагогический институт – филиал Сибирского федерального университета

Россия, 662543, Лесосибирск, ул. Победы, 42

E-mail: Borshariff@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR:

Sharifullin, Boris Yahievich, Doctor of Philology, Full Professor, Professor of the Department of the Russian Language and Literature

Lesosibirsk Pedagogical Institute – the Branch of the Siberian Federal University

42 Pobedy street, Lesosibirsk 662543 Russia

E-mail: Borshariff@gmail.com